

В. В. Быков

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Е. А. Батаев

аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ П. СРАФФЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Расхожее выражение гласит: «В споре рождается истина». Многие полагают также, что в спорах может быть победившая и проигравшая стороны. Насколько эти обывательские воззрения справедливы для науки, в частности для экономики? Есть все основания полагать, что оба эти высказывания (которые даже в повседневной жизни не несут смысловой нагрузки) совершенно неприменимы для рассмотрения эволюции экономической науки. Истина в науке вообще недостижима, а для определения победителей прибегнем к следующей аналогии — никогда религиозные споры (или войны) не приводили к победе одной из сторон. Их результатами были лишь обмен мнениями и некоторые изменения в расстановке сил (яркий пример тому — окончание Тридцатилетней войны).

«Экономическая религия»

Насколько справедлива аналогия между экономической наукой и религией? На наш взгляд, это сравнение более чем оправданно, поскольку и в экономике и в религии главное место занимает вера, вера в то, что мы не можем до конца понять и (или) доказать существование этого. В экономической теории всегда есть что-то, что надо принимать на веру. Христиане верят в сотворение мира за семь дней, непорочное зачатие, воскресение мертвых и загробную жизнь, т. е. в необъяснимое и (или) недоказуемое. Экономисты верят в рациональность индивидов, которые максимизируют некую «полезность», или в «стоимость», которая являет собой основу цен. Доказать существование стоимости или внятно объяснить значение термина «полезность» невозможно. Рациональности, как она понимается в экономической теории, просто не существует. Можно говорить о рациональности лишь как о причинно-следственных связях в поведении индивидов, но уж никак о невероятно изощренной рациональности homo economicus. Итак, в экономической науке существует область верований, причем она достаточно обширна. От экономистов можно часто услышать фразы «Это же противоречит закону спроса!» или «Конечно, индивиды рациональны!» и т. д. Продолжая религиозную аналогии, все это можно свести к фразе «Не бо-

гохульствуи!». Вера не оставляет места сомнению, но при этом сомнение есть результат мышления. Ситуация воистину парадоксальная с учетом того, что логическое мышление является основой любой науки.

Но все же экономическая теория гораздо динамичнее религии, несмотря на то, что круг проблем, рассматриваемых в экономической науке, был в основном очерчен Адамом Смитом. Вся история экономической науки — это борьба идей, в которой можно выделить несколько ключевых моментов, важных для нашей работы. Такими ключевыми моментами являются три революции в экономической теории.

Первая революция (маржиналистская) оказалась наиболее удачной. Во второй половине XIX в. произошел сдвиг главного направления экономического анализа от свойств экономической системы в целом к исследованию поведения индивидов и фирм. На место мифа о стоимости приходит миф о рациональности. Хотя маржиналисты и их последователи часто говорили о тесной связи с классической школой, на самом деле эту связь обнаружить практически невозможно. Наиболее часто упоминаемым примером такой «преемственности» может служить теория дифференциальной ренты Рикардо. Однако при этом не учитываются концептуальные различия маржинализма и классики, а речь идет о чисто формальных сходствах.

Что же мы понимаем под маржиналистской концепцией? Это то направление экономической науки, которое объясняет все реальные процессы и явления через анализ спроса и предложения. Все факторы, оказывающие влияние на отдельные рынки, разделяются на две части и затем представляются в виде двух кривых спроса и предложения. При их построении все факторы, воздействующие на объем производства, кроме цены, объявляются не столь существенными. Проще говоря, homo economicus всегда стремится максимизировать свою выгоду. Упрощенность этой схемы, доведенная до абсурда, создает трудности для какого-либо практического использования. Хуже того, по мере усложнения анализа и введения факторов неопределенности и асимметрии информации, экономическим субъектам приписывается все более изощренная рациональность. Для выбора «оптимума» осуществляется переход от абсолютных величин к предельным, т. е. к их приращениям. Следовательно, для маржинализма необходимы определенные изменения, которые мы не обнаруживаем в иных концепциях. Так, оптимум потребителя находится через сопоставление рядов полезности и издержек. Подобная схема анализа применяется повсеместно, начиная от поведения потребителя и кончая теорией распределения.

Несмотря на предельную упрощенность схемы предельного анализа, она приобрела множество сторонников благодаря своей простоте и универсальности. Кроме того, переход от абстрактного теоретизирования на макроуровне к не менее абстрактному анализу на микроуровне и от долгосрочного анализа к краткосрочному оказался достаточно привлекательным для широкой публики. Экономическая наука ни на шаг не приблизилась к анализу реальных процессов и явлений, но стала значительно более доступной для обывателей.

Еще одним важным событием маржиналистской революции стало формирование нормативной экономической науки. Маржиналисты сделали рациональность и принцип максимизации императивом поведения экономических агентов (замена десяти заповедей). Основываясь на этом императиве, можно делать выводы о должном и не должном поведении агентов, чего не наблюдалось в рамках классической парадигмы.

Теперь кратко проанализируем последствия второй революции в экономической теории, которая известна как кейнсианская. Она также была вполне удачной, но ее последствия не были столь масштабными, как у маржиналистской

революции. Основной особенностью кейнсианской концепции стал переход к анализу экономической системы в целом в коротком периоде. Пожалуй, впервые за полтора столетия своего существования экономическая наука начала рассматривать реальные макроэкономические процессы. Кейнсианская школа существенно расширила область экономических исследований: такие проблемы, как экономический рост, рынок денег, занятость, впервые анализировались именно в кейнсианской концепции. Еще одним важным событием стал отказ от принципа полной рациональности экономических агентов, что выражается в отказе от теории эквивалентности Рикардо, наличии у экономических агентов денежных иллюзий и т. д.

Отметим также, что кейнсианская революция не привела к созданию особой методологии. Фактически методология кейнсианской школы создавалась последователями маржинализма. До сих пор ведутся дискуссии относительно того, насколько точно идеи Кейнса отражены в так называемых кейнсианских моделях. Ярким примером тому может служить *IS-LM*-модель.

На основании изложенного можно выдвинуть два тезиса о развитии экономической науки и ее революционных изменениях.

Тезис 1. Настоящая революция в экономической теории неизбежно приводит к изменению методологии науки. В любой науке самыми устойчивыми компонентами являются предмет и метод. Существенно изменить предмет науки невозможно — это автоматически приведет к созданию совершенно другой научной дисциплины. Изменение метода исследований может привести к смене господствующей парадигмы, если новый метод обладает действительными (или кажущимися) преимуществами перед существовавшими ранее. Именно поэтому мы говорим о переходе к маржиналистской концепции как о революции. Другими словами, любая настоящая революция приводит к созданию целостной научной концепции (которая способна дать логически непротиворечивое объяснение *любым* теоретическим парадоксам, явлениям и процессам) на основе новой методологии.

Тезис 2. Любая научная концепция будет существовать, если она расширяет область исследований в данной науке. Этот тезис применим к большому числу существующих научных школ, например к кейнсианству и институционализму. Если каждая школа имеет свою область исследований, то они вполне могут существовать, не угрожая при этом господствующей парадигме.

Кембриджская революция?

В XX в. наряду с кейнсианской революцией исключительно важным для развития экономической теории явлением можно назвать многолетнее интеллектуальное противостояние двух Кембриджей — английского и американского, одного из старейших университетов Европы и одного из лучших университетов Америки, а именно МИТ. Дебаты велись по многим направлениям и наиболее известны диспуты по теории капитала. Экономисты английского Кембриджа и их последователи на протяжении более полувека предпринимали активные и небезуспешные попытки критиковать маржиналистскую школу, что и позволило ряду ученых говорить о «кембриджской революции». Проанализируем корректность данного термина, основываясь на предложенных ранее тезисах.

Для настоящей революции необходима новая методология. В этом аспекте позиции кембриджских экономистов наиболее слабы. Как правило, в работах Н. Калдора, Дж. Робинсон и других представителей данного направления мы видим очень своеобразный гибрид кейнсианства и рикардианского долгосроч-

ного анализа (Robinson, 1962). Такая методология едва ли применима для анализа значительной части реальных явлений и процессов; во всяком случае, ее никак нельзя назвать универсальной. Налицо противоречие с предложенным ранее тезисом 1, поэтому говорить о кембриджской революции все же не совсем справедливо.

Вместе с тем представителям кембриджской школы удалось существенно поколебать позиции маржиналистов, прежде всего это касается проблем распределения доходов и теории капитала. Возрождение классового подхода к анализу распределения, а также создание теории «переговоров с позиции силы» можно отнести к бесспорным достижениям английского Кембриджа. Заметим, что маржиналистская школа вообще не способна объяснить даже существование профсоюзов. Еще более значимым является вклад в теорию капитала, где был опровергнут маржиналистский постулат об однозначном ранжировании методов производства по их прибыльности. Кембриджские экономисты доказали возможность обратного переключения технологий при изменении нормы прибыли. Эти факты позволяют говорить о кембриджской школе как о самостоятельном направлении в экономической науке, которое открыло новые возможности для экономического анализа, т. е. по терминологии М. Блауга была создана новая «исследовательская программа», в рамках которой исследования продолжатся до тех пор, пока они смогут давать новые результаты (Блауг, 1994).

Особое значение теории Сраффы

Среди представителей кембриджской школы, безусловно, выделяется Пьеро Сраффа, прежде всего благодаря предельно абстрактному характеру его книги «Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории» (Сраффа, 1999). К сожалению, сам Сраффа не развивал высказанные в ней идеи, а его последователи обратили внимание скорее на подзаголовок, чем на само название. На наш взгляд, сама схема анализа, предложенная Сраффой (и сходная с моделью «затраты-выпуск»), несмотря на некоторую статичность, предоставляет большие возможности для противостояния маржинализму, чем несколько эклектичная методология других кембриджских экономистов. Последователи Сраффы явно недооценили значение его работы для создания новой методологии и сосредоточили свое внимание на критике маржиналистской теории.

Как отмечалось выше, для существования любой концепции она должна расширять границы науки. Теория Сраффы стала, пожалуй, первой концепцией, обратившей внимание на процесс производства. Ранее все теории практически игнорировали производство; так, маржиналисты рассматривают факторы производства, а на выходе — потребительские блага. Сраффа обратил внимание на технические условия производства, которые имеют решающее значение в современной экономике. Данное положение имеет весьма примечательные следствия для экономической теории. Например, спрос фирм на труд определяется существующей технологией, что означает независимость спроса на труд и уровня занятости от заработной платы. Представления о функционировании рынка труда, укоренившиеся в теории, не отвечают реальному положению дел. Если заработная плата снизится вдвое или увеличится в два раза, то фирма не станет нанимать больше или меньше рабочих. Их количество будет определено имеющейся в распоряжении технологией и едва ли изменится под влиянием заработной платы. При сохранении определенных тенденций изменения зарплаты возможно переключение методов производства, но в коротком периоде спрос на труд постоянен.

Кроме того, Сраффа стал одним из первых экономистов, кто обратил самое пристальное внимание на проблему совместного производства. В теории производства традиционно предполагается однозначное соответствие процесса производства и конечного продукта. Иными словами, каждый продукт создается только в рамках одного процесса при помощи единственного метода производства. С другой стороны, на практике мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда существуют товары, которые невозможно производить раздельно. Примеров подобного рода великое множество: зерно и солома, шерсть и баранина и т. д. Следовательно, два товара производятся одним процессом и совместное производство можно определить как изготовление нескольких товаров в рамках одной отрасли (или одного производственного процесса).

Постоянно наблюдаемые в реальной жизни случаи совместного производства часто игнорировались в научных трудах или же рассматривались в разделах, посвященных «курьезам» и «сложностям». Однако модель совместного производства имеет гораздо более широкую сферу применения, чем полагалось ранее. Эта модель является наиболее подходящей для анализа процессов производства с применением основного капитала, которые составляют подавляющее большинство производственных процессов. Более того, именно случаи производства с применением только труда следует считать не имеющими большой практической ценности.

В упомянутой работе Сраффа высказывал и другие интересные идеи, в частности о закономерностях переключений методов производства, предложил концепцию стандартного товара, который решает проблему измерения цен и параметров распределения дохода. Отметим, что все эти идеи не получили должного признания в экономической науке. Проанализируем причины такого положения дел.

Секты и инквизиция

Современная наука является территорией полной свободы: каждый может высказаться по интересующим его проблемам, но ученые перестали прислушиваться к мнению друг друга. Закончились кембриджские дебаты по теории капитала, их завершением стало признание неправильности основополагающих постулатов маржиналистской школы (Samuelson, 1966). Многие авторы, в частности М. Блауг (Blaug, 1975), признают логическую состоятельность и непротиворечивость выводов кембриджской школы, т. е. для экономической науке этого достаточно для признания истинности результатов, поскольку экспериментальная проверка в экономической теории невозможна.

С другой стороны, следует признать правоту М. Блауга в том, что кембриджская революция закончилась неудачей. Причиной тому стал тот факт, что представители английского Кембриджа не смогли разработать достаточно простую и универсальную методологию экономического анализа, которая могла бы рассматриваться в качестве альтернативы маржинализму (Blaug, 1975; Hahn, 1982). Споры двух Кембриджей постепенно прекратились, и нет никаких оснований ожидать их возобновления.

На данный момент свои позиции сохранила только теория Сраффы, которая является одним из нескольких альтернативных направлений в экономической науке. Сегодня сраффианство можно считать сектой, где есть основатель (Сраффа) и ряд гуру (к их числу можно отнести героев кембриджских споров — Л. Пасинетти и П. Гареньяни). Секта эта немногочисленна и замкнута, основным направлением ее исследований стала теория производства. В научном ми-

ре секты (под которыми мы понимаем ограниченный круг ученых, чьи взгляды расходятся с маржинализмом) могут сосуществовать с господствующей парадигмой. Однако, продолжая аналогию с историей христианской церкви, господствующему учению всегда необходима инквизиция для сохранения своих позиций и искоренения инакомыслия. В роли такой инквизиции выступает система университетского образования. Самым простым способом борьбы с альтернативными теориями является замалчивание полученных в их рамках результатов. Система преподавания теоретических курсов обладает огромной инерцией и изменить ее крайне трудно. Именно это и обеспечивает господствующее положение маржиналистской парадигмы в экономической науке, и современные студенты по-прежнему изучают экономическую теорию в ее состоянии на конец XIX — начало XX в.

В экономической науке нет революций, подразумевающих полный разрыв с прошлым. Новая методология всегда подразумевает некий синтез старого и нового. Вместе с тем в любой науке периодически происходит смена господствующей парадигмы, причем этот процесс обусловлен накоплением фактов, противоречащих старой парадигме. На сегодняшний день таких фактов достаточно, но для смены парадигмы необходим переход от критики маржинализма к созданию новой целостной научной концепции, способной прийти ему на смену. Вполне возможно, что такая концепция может быть создана на основе теории Сраффы.

Источники

- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., 1999.
Блауг М. Cambridge Revolution: success or failure? Penguin, 1975.
Hahn F. The neo-Ricardians // Cambridge Journal of Economics. 1982. Vol. 6. P. 353—374.
Robinson J. Economic Philosophy. New York, 1962.
Samuelson P. A. A summing up // Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. P. 568—583.